

Критические очерки

1-1
сти г. Потапенко, убеждается в своей бесполезности и негодности и в одно прекрасное утро напивается до положения ризъ носъ того, какъ съ помощью жены уже почти выдѣлся отъ пьянства; его тяжелое положеніе, весь драматизмъ его существованія значительно углубляется тѣмъ, что среди непробуднаго пьянства и сознанія своей безпомощности, въ немъ живо воспоминаніе о лучшахъ лѣтахъ, о лучшемъ, счастливѣйшемъ, времени, что заставляеть его даже принятія за трудъ объ алкоголизмѣ, въ немъ живо хотя и смутное сознаніе своей «интеллигентности»; и, во вторыхъ, тяжелыми семейными обстоятельствами... Возвращаясь къ прежней «интеллигентной» жизни, почти излѣчившись отъ пьянства—онъ случайно узнаеть, что жена его актриса, проявлявшая къ нему столько любви и участія—извѣстная всему городу кокетка... Это было каплей, перешедшей чашу... Онъ запыль и вернулся къ прежней жизни.

Вся сила таланта г. Мамина-Сибиряка заключается въ поразительной реальности изображаемаго имъ... Это не грязный натурализмъ Золя и Мопассана—нантъ, писатель выше и талантливѣе ихъ, это не фотографированіе дѣйствительности нашихъ парадниковъ, не копанье въ души человеческой. Поля Бурже—это здоровый и чистый реализмъ, прошедшій сквозь призму художественнаго творчества писателя, ни одной лишней, ненужной черточки, ниргающей впечатлѣніе, нималяйшей идеализаціи суровой неприглядной дѣйствительности. Повесть «У теплаю моря» неуступаетъ въ этомъ отношеніи другимъ произведеніямъ талантливаго писателя.

Рассказъ Ант. Чехова «Брызговики» также изображаетъ «лишняго человека», и тѣмъ сильнѣе и ярче этотъ рассказъ, что герой его, негражданинъ въ обывденной жизни, поставившій цѣлью своего существованія пріобрѣсти небольшой домикъ, имѣть свой уголокъ, причемъ непременно при домикѣ должень быть садикъ и въ немъ крыжовникъ, не сознаеть своего положенія, своей негодности, бесполезности. Брызговики «собственный крыжовникъ»—становится цѣлью, идеаломъ, конечнымъ пунктомъ всѣхъ стремленій, всей жизни человека... Развѣ это не ужаснѣе, не страшнѣе горькаго сознанія своей бѣз-

полезности, своей слабости передъ поставленной собою задачею, утраты лучшихъ вѣрованій и надежды своей молодости Дарьи Лотугиной и даже непробуднаго пьянства Жемчугова!..

На Западѣ «лишніе люди» вѣсколько другого характера. Тамъ ужасеть не безсилію, не сознаніе своей слабости въ достиженіи намѣченной цѣли—тамъ до самой смерти своей человекъ ведетъ ожесточенную борьбу съ жизнью, столь далекой отъ его идеала... Но такъ какъ, вслѣдствіе условій современной жизни, человекъ не можетъ найти въ обществѣ достаточной поддержки и сочувствія въ дѣлѣ ломки глубоко вкоренившихся понятій и общепринятыхъ формъ современнаго социальнаго строя—онъ также является «лишнимъ», такимъ же бесполезнымъ и ненужнымъ, какъ герои и героини гг. Потапенко, Чехова и Мамина-Сибиряка. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи романъ Холкъ-Кена «Христианинъ».*) Подробно говорить о каждомъ произведеніи не стоить, такъ какъ мысль нашу считаемъ уже достаточно выясненною. Замѣтимъ только, что въ романѣ шведскаго писателя Лундегарда «Новый Тангейзеръ» изображенъ такой же борецъ, человекъ ума и воли, который сначала боролся, полный надеждъ въ свѣтлое будущее, но потомъ, подъ влияніемъ условій своего существованія, опустил руки, бросилъ свою дѣятельность и зажилъ сытою, довольною жизнью... Подъ конецъ лишь въ немъ проснулось прежнее желаніе, старыя и милыя мечты овладѣли имъ, но прежнихъ силъ уже не было—и онъ кончилъ сумасшествіемъ...

Вотъ одна изъ яркихъ особенностей современной литературы. Лишніе люди въ литературѣ еще разъ доказываютъ, что творчество безъ реализма, что искусство для искусства—вздоръ, и что литература ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отрѣшена отъ дѣйствительной жизни.

Д. Боханъ.

*) Печатался въ русскомъ переводѣ въ теченіе 1898 г. въ журналѣ «Жизнь» и подъ заглавіемъ «Въ поискахъ свѣта» въ «Мірѣ Божіемъ».